

ДЖЕРЕМИ БЕЙТС

БЕСКОНЕЧНЫЙ ДОМ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(71)
ББК 84(7Кан)-44
Б41

Jeremy Bates
THE NO-END HOUSE
Copyright © 2025 by Jeremy Bates

Бейтс, Джереми.
Б41 Бесконечный дом / Джереми Бейтс ; [перевод с англий-
ского А. Филонова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Ток.
Триллер за гранью реальности).

ISBN 978-5-04-210330-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Старинный каменный особняк, расположенный в Готическом
квартале Барселоны... Это малоизвестная достопримечательность,
предлагающая игрокам девять комнат для квеста, девять голово-
ломок и очень крупный денежный приз для любого, кто доберет-
ся до конца. Есть только одна проблема: сделать это не сложно,
а очень-очень сложно...

Когда Джо Хэдфилд узнает о «Бесконечном доме» от пары
туристов, он удивлен, но не особо заинтересован. Путешествуя по
миру, Джо пытается сбежать от собственного кошмара: травмы,
полученной после того, как он стал свидетелем ужасной смерти
своей жены. Однако в Барселоне Джо встречает прекрасную не-
знакомку по имени Хелен, которая убеждает его попробовать
пройти испытание «Бесконечного дома» вместе. Джо неохотно
соглашается.

Как только они входят в эти стены, Джо начинает понимать
соблазнительную силу дома. Тот знает его самые темные секреты,
подпитывает его самые жуткие страхи, заставляет его делать то,
на что он никогда не решился бы. И нет предела тому, на что Джо
готов пойти — чтобы выжить...

УДК 821.111-312.4(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-210330-8

© Филонов А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Моим родителям Линде и Джерри
и моей жене Элисон — с любовью*

Глава 1

Нет конца без начала.

«Книга Девяти»

Воспоминания — оружие обоюдоострое.

Об усопшей жене Джен у меня есть и прекрасные, и ужасные. Я могу припомнить ее лицо, улыбку и смех, когда захочу, но могу припомнить и несчастье вкупе с ее медленным умиранием — тоже когда захочу. Зачастую я не властен над тем, какие воспоминания — хорошие или плохие — заполонят мое сознание в то или иное утро, день или вечер; они просто приходят незвано-непрошено, и если плохие, так еще и застревают в сознании чересчур уж надолго.

Я начал думать о Джен тем вечером, потому что знал, в каком восторге она была бы от Барселоны. Ей нравились города, наделенные характером и очарованием, а в Барселоне таковых больше чем достаточно на каждом ландшафтном бульваре и в каждом кривоколенном переулке.

Джен настаивала бы на посещении каждого встречного магазинчика с богемными безделушками. Она отыскиала бы для нас какое-нибудь укромное кафе, где мы могли бы насладиться бутылочкой вина и вкусить паэлью с морепродуктами и другие местные блюда. Она заставила бы меня сфоткать ее в компании каждого костюмированного уличного актера на всем протяжении Лас-Рамблас.

Дьявол, да она, наверное, убедила бы меня отправиться на одну из этих автобусных экскурсий по городу, а в автобусе настояла бы, чтобы мы сели спереди на верхней открытой площадке, где нам открывался бы прекрасный обзор во все стороны.

Мало-помалу эти раздумья обратились к несчастному случаю, оборвавшему ее жизнь три года назад. Она выполняла свой последний часовой учебный полет с инструктором на «Сессне-172». А после приземления попыталась обойти самолет, чтобы поблагодарить инструктора — и напоролась прямиком на еще вращавшийся пропеллер. Тот отсек ей половину лица, изрядную часть плеча и отрубил левую руку ниже локтя. Врачи «Скорой» как-то ухитрилась довести ее до больницы штата Аризона живой, однако травмы оказались настолько серьезными, что реаниматологи погрузили ее в лекарственную кому — да только не временно. Полученная мозговая травма означала, что она должна была до самой смерти пребывать в вегетативном состоянии и дышать без аппарата искусственной вентиляции легких попросту не могла.

Невролог отключил аппаратуру жизнеобеспечения через трое суток после поступления Джен в больницу.

Напороться на крутящийся пропеллер — ужасный способ умереть, но, что хуже, еще ужасно *глупый*. Я понимаю, что не должен злиться на Джен, но ничего поделать с собой не могу. А еще я злюсь на себя за то, что купил ей учебный курс «Научись лететь самостоятельно». У нее было две мечты, о которых она только и говорила с той поры, как мы познакомились с ней в День святого Валентина в 2014 году: получить лицензию пилота, чтобы слетать во все пятьдесят штатов, и подписать контракт с лейблом.

Хоть она и была талантливейшей певицей и автором песен, ей так и не удалось отыскать столь же талантливую группу (по моему мнению), и контракт с лейблом она так

и не заключила. Так что на Рождество я купил ей пятнадцатичасовой учебный курс пилотажа.

Но больше всего я злился на инструктора за то, что тот взял ее на этот последний урок после наступления сумерек. Запланируй она его при свете дня, как все предыдущие, увидела бы пропеллер и не напоролась бы на него, и *не умерла бы*.

Наверное, я был так же зол почти на всех и вся, когда думал о Джен, о том, как хорошо нам было вместе, о совместном будущем, которое у нас могло бы быть. Ее смерть казалась такой бессмысленной и несправедливой...

Я поднес к губам бутылку пива, которую перекалывал из руки в руку, наблюдая за тем, что творится на улице. Толпы посетителей кофеен и празднующихся зевак сменились прохожими, выглядевшими весьма целеустремленными. На смену шортам и футболкам пришли брюки, рубашки-поло и легкие платья. Шлепанцы и кроссовки сменились кожаными туфлями и шпильками. Даже дюжина или около того двадцати-с-чем-то-леток, сгрудившихся на тротуаре перед хостелом (несомненно, ради рейда по забегаловкам, ведущего прямо в отключку), были одеты не без щегольства. Я даже подивился, что они уделили драгоценное пространство в рюкзаках множеству пар обуви и изысканным клубным нарядам.

Предметы же, курсирующие из моего рюкзака (куда более миниатюрного, чем бросающие вызов гравитации «Маунтин Ко-оп» на плечах молокососов, рыскающих по Европе) и обратно, наоборот, сводятся к зубной щетке и зубной пасте, дезодоранту, трем футболкам, трем парам шорт, трем парам семейных трусов, трем парам носков, путевому журналу, «Киндлу», аптечке первой помощи и моему телефону с зарядкой.

Для прохладных вечеров вроде сегодняшнего предусмотрено также то, что было надето на мне тогда, — джинсы

и белая рубашка с длинным рукавом. Еще у меня есть легкая палатка и спальник, приложенные к рюкзаку снизу, но без них никак, потому что я не скачу по автобусам и поездам: я всюду хожу пешком и чаще всего целыми днями обхожусь без пристойной постели и крыши над головой.

Через два месяца после похорон Джен я решил обойти планету на своих двоих. Ровно столько времени мне потребовалось, чтобы осознать, что являться в офис агентства недвижимости что ни день и делать вид, будто все в порядке, я больше не в силах. Еще месяц у меня ушел на прокладку маршрута, ведущего меня через каждый континент с возможным минимумом бюрократической волокиты, ассигнование средств на поддержание моего существования в течение нескольких лет и все такое... а еще чтобы привести башку в порядок. В конце концов, я же не на воскресную прогулку наладился.

В путешествие я отправился воскресным утром из своего дома в Грин-Вэлли, штат Аризона, и весь следующий год шагал на юг в Панаму. Там по воздуху миновал Дарьенский пробел (опасный участок джунглей, где меня наверняка ограбят, если вообще не убьют, уверенно поведали мне, если только я попытаюсь преодолеть его пешком), а еще год топал от Боготы в Колумбии до Монтевидео в Уругвае. В начале лета поймал самолет до аргентинской базы Мрамбио в Антарктиде и дошел до базы Эсперанса — круглогодичного гражданского поселка, где расстарался получить бумаги, нужные для поездки в Европу. В сентябре высадился в Шотландии, откуда и направил свои стопы на юг, в Испанию. В Барселоне я провел уже неделю, и дальше намеревался переправиться в Северную Африку, пройти через Марокко, Алжир и Тунис, потом свернуть обратно на север через Восточную Европу. Со временем доберусь до Западной и Центральной Азии. Оттуда самолетом махну в Австралию, а уж потом — наконец — обратно в США.

Да, бывали дни, когда ступни у меня ныли, а в иные ночи колени ныли еще сильнее. Да, угодив под тропический ливень, я гадал, какого черта тут делаю. И да, меня охватывает ностальгия при мысли о родных и друзьях, оставшихся так далеко. Но в то же время я еще никогда не был настолько подтянутым и здоровым, как сейчас, никогда не чувствовал себя настолько свободным. Посетить Перу или Францию и прохладиться у бассейна в «Хаятте» — совсем не то же, что шагать по чужой стране от села к селу, от города к городу, видя, как живет местное население, вникая в мир за пределами *моего мира*, свершая то, что совершила и еще совершит всего лишь горстка людей.

Уж как-нибудь перетерплю боль в ногах, бактериальную инфекцию-другую, солнечные ожоги, дождь, да и все прочее, что будет угодно природе подкинуть мне по пути. Теперь уж придется. Я зашел настолько далеко, что трубить отбой больше не вариант.

Последние два дня я провел в заведении под названием «Хостел „Ола“». Как и большинство европейских хостелов, он опрятный и предлагает дерьмовый, но бесплатный континентальный завтрак. Кроме того, у него в вестибюле есть бар, открывающийся в семь вечера и продающий дешевое пиво. Сейчас я прикладывался уже ко второй — и, скорее всего, на сегодня последней — бутылке «Хугардена».

Число двадцати-с-чем-то-леток на тротуаре множилось, отчего те становились шумнее и необузданнее. Парни давали пять, хлопали друг друга по плечам и глушили пиво, старясь перешутить один другого (некоторые из их реплик были настолько эпатажны, что были даже смешны). Девушки сплетничали о друзьях, подругах и недругах и вообще обо всех, кого не было в пределах слышимости.

Мне уже стукнуло сорок четыре — вероятно, вдвое больше, чем большинству из них, и хотя сорок четы-

ре еще не старость, в тот момент я чувствовал себя слишком старым. Уж так на меня действуют хостелы. Потому что, не считая изредка подворачивающихся босоногих хиппи, обычно я был в каждом хостеле самым старым. Порой мне попадалась заселяющаяся или выписывающаяся парочка возрастом за пятьдесят или тридцати-сорокалетки, страдающие от юношеского зуда дальних странствий на поздних этапах биографии. Но большинство, притом подавляющее, составляет молодежь, едва-едва перевалившая за двадцать, свежееиспеченные выпускники, не желающие расставаться с разгульной жизнью последних трех-четырех лет.

Вот потому-то меня и заинтриговала женщина с оранжевыми волосами, сидевшая за соседним столиком.

Она находилась там с тех самых пор, как я сел полчаса назад. Перед ней на столе стоял лэптоп рядом с бокалом вроде бы «Май Тая»¹. По-моему, она была чуть моложе меня — скажем, лет сорока.

Не считая бросающейся в глаза прически, в остальном в хостеле она смотрелась совершенно неуместно. Чересчур изысканные блузка цвета шампанского и черные элегантные брюки. Дорогие украшения. А лэптоп — «Макбук Про» последней модели.

Подняв голову от экрана, она перехватила мой изучающий взгляд. Я отвел глаза и отхлебнул пива. Двадцати-с-чем-то-летки наконец тронулись, чтобы начать свой вечер. Любопытно, сколько из них дотянут обратно в хостел до рассвета и не придется ли принимать душ завтра утром в заблеванной кабинке.

¹ «М а й Т а й» — коктейль, где смешаны ром, апельсиновый ликер (как правило, цветной типа кюрасао), миндальный сироп и сок лайма. — *Прим. ред.*

Я снова отхлебнул пива, по-прежнему ощущая на себя взгляд дамы с оранжевыми волосами и не сомневаясь, что заблуждаюсь. Наверное, она смотрит мимо. Однако любопытство взяло верх, и я зыркнул на нее.

Она и в самом деле открыто таращилась на меня.

Не зная, как быть, я снова отвел глаза, чувствуя, что краснею... а когда это со мной было *такое* в последний раз?

Я снова хлебнул пива и обнаружил, что бутылка пуста. Мгновение поколебавшись, я встал, не глядя на женщину, прошел мимо бара в вестибюль и нажал на кнопку лифта. И в последний момент обернулся.

Она все еще взирала на меня... но теперь улыбаясь до ушей.

Румянец у меня на щеках дошел до отметки «десять», и я наконец распознал чувство, которое испытывал, — робость.

Лифт пропищал, распахивая двери, а я подумал: «Хрен с ним». Направившись к бару, купил еще «Хугарден» у немецкого паренька за стойкой и вернулся в патио. Остановившись у стола дамы с оранжевыми волосами, осведомился:

- Вы не против, если я присяду?
- Милости прошу, — ответила она.

Глава 2

Сны выплывают на подмостках только тогда, когда никто из бодрствующих не может подглядеть.

«Книга Девяти»

Теперь, выиграв поединок характеров — или что там это было, черт возьми — и заставив меня подсесть, она завязала со своим безумным джедайским взором, сно-

ва переключив внимание на лэптоп. Пару раз щелкнула мышкой и закрыла экран. Обхватила губами соломинку, торчавшую из «Май Тая», и потянула так, что на щеках образовались ямочки. И тогда поинтересовалась:

— Вы всегда такой дерзкий?

— Это я дерзкий? — рассмеявшись, отозвался я.

— Подошли к столику незнакомой женщины и попросили разрешения присоединиться... На мой взгляд, весьма дерзко.

— Я... — Тряхнув головой, я отхлебнул пива. Она прекрасно знала, почему я подошел. — Я Джо.

— Вы похожи на Джо.

— А как выглядят Джо?

— Как вы.

Я сжал зубы, не понимая, что происходит. Я-то думал, джедайский взгляд — просто завлекаловка, и хотя отнюдь не жаждал отношений — не то что длительных, но даже на одну ночь, — провести вечер в компании привлекательной женщины был ничуть не против, даже если мы просто поболтаем.

Странствовать по планете в своей собственной компании бывает грустно. Но сейчас... ну я не был уверен, что не стал объектом какого-то тупого розыгрыша. И решил действовать без обиняков.

— Мы раньше не встречались?

— О-ой, я думала, у вас заготовлена реплика получше.

— Я в смысле, вы меня знаете?

На задворках моего сознания мало-помалу складывалась идея: она откуда-то прознала, что я затеял пешую кругосветку. Когда люди узнают об этом, они начинают вести себя странно. В Чили один жених пригласил меня на местную свадьбу, где гости одарили меня таким вниманием, что мое присутствие затмило но-

вобрачных, и я ретировался, не дожидаясь, когда порежут торт.

— Теперь знаю, — заявила она.

— А вас как зовут? — поинтересовался я.

— Хелен.

— Вы не похожи на Хелен.

— Вы знаете много Хелен?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете, что я не похожа на Хелен?

— Я имел в виду, в культуре.

— Я заинтригована. И на какую же из них в культуре я похожа меньше всего?

Я не тугодум, но в тот момент мне приходилось шевелить извилинами изо всех сил, только бы поспевать за ее вопросами, бьющими не в бровь, а в глаз.

— На Елену Троянскую.

Карие глаза моей визави блеснули.

— Туше, Джо. *Я не похожа* на прекраснейшую из женщин всех времен и народов. Не знаю, намеренно ли вы меня унижаете или просто сморозили не подумав.

Черт, да я и сам не знал, но скорее второе, чем первое.

— И более того, — с прежней улыбкой продолжила она, — я не думаю, что Елена Троянская была чернокожей.

— Может, начнем заново? — предложил я.

— Само собой. — Она протянула руку с болтающимся на запястье серебряным браслетом от «Гуччи» в виде спаренной буквы G. — Я Хелен.

Я принял протянутую руку.

— А я Джо.

— Вы похожи на Джо.

— Вы похожи на Хелен.

— Какую-то конкретную? — Она снова блеснула глазами.

— Елену Троянскую.

Запрокинув голову, она рассмеялась неожиданно мелодично и по-девичьи звонко. Тогда-то я и решил посидеть, пока не допью пиво.

* * *

Кончилось тем, что я засиделся куда дольше. На четыре бутылки пива, если точнее, и когда посмотрел на часы, с удивлением обнаружил, что уже почти полночь, а мы с ней как-то незаметно перешли на «ты».

— Летит время, — заметил я, подумав, что не засиживался настолько поздно уже не один месяц.

— Когда тебе весело... — отозвалась Хелен. Она не отставала от моих четырех бутылок, уравнивая счет четырьмя «Май Таями», но если и захмелела, то по ней было не сказать.

— Если честно... — начал я.

— Я люблю честность, — заявила она.

— Когда я только присел, я не знал, что о тебе и думать.

— Да?

— Ты внушала мне робость.

— Да не миндальничай.

— Ты как-то уж слишком напирала.

— Да скажи напрямую.

— Что сказать?

— Что подумал, что я стерва.

— Я так не думал.

Она стрельнула на меня глазами, будто знала, что я думал на самом деле, и только ждала, чтобы я это сказал.

— Ладно, — сдался я. — Может, у меня и промелькнула такая мысль.

— Ты *думал*, что я стерва! — Она хлопнула ладонью по столу.

— Я не знал, что думать. Чего мне только в голову не приходило...

— Я лишь поддразнивала тебя, Джо. Я знаю, какой могу быть. Я ведь живу в своей компании каждый день, а? Я не хотела вести себя как стерва. — Она пожала плечами. — *Не хотела*. Но когда я нервничаю, оно выходит как-то само собой.

— Ты нервничала?.. — удивился я.

Она снова пожала плечами, сопроводив изящный жест самоуничижительной усмешкой.

— Чутьочку.

— Мне ты со своими джедайскими гляделками показала весьма самоуверенной.

— Джедайские гляделки?! Дальше ты заявишь, что я похожа на Йоду?

— На Йоду пополам с Еленой Троянской.

— Это уж чуть получше — вижу... Боже, не знаю. Под градусом я тупею.

— Ты не похожа на пьяную.

— Я умею шифроваться.

Вот так она открывалась мало-помалу последние два часа, и это было обаятельно... настолько обаятельно, что даже пугало.

Я глянул на свою бутылку — она оказалась пуста. Снова бросил взгляд на часы. Пять минут первого.

— Тебе надо куда-то успеть? — полюбопытствовала она.

— Я бы сказал, пора закругляться.

Удивление, промелькнувшее в ее взгляде, погасло в мгновение ока.

— Я... э-э, провожу тебя до лифта, — сказал я. — На какой тебе этаж?

Мы оба встали.